

Леон Костевич

МОЛИСЬ И КАЙСЯ

Леон Костевич
Молись и кайся

«Издательство Сретенского Монастыря»

2019

УДК 821.161.1-312.2Костевич
ББК 84(2=411.2)6-44

Костевич Л. Г.

Молись и кайся / Л. Г. Костевич — «Издательство Сретенского
Монастыря», 2019

ISBN 978-5-7533-1547-2

Главный герой повести — бывший московский актер Эсхил Христофоридис. Он обращается в православие, уходит из театра и увозит семью к себе на родину — в провинциальный городок Святоград. Здесь Эсхил встречает старых друзей и старается приобщить их к вере. Причем нередко действует с нажимом, отчего возникают нестандартные ситуации, веселые и грустные. Читателю не всегда легко понять, насколько искренен герой в стремлении во что бы то ни стало переубедить свое окружение. Может быть, дело лишь в неумном импульсивном темпераменте — и бывший актер просто не в силах не играть?.. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.2Костевич

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1547-2

© Костевич Л. Г., 2019

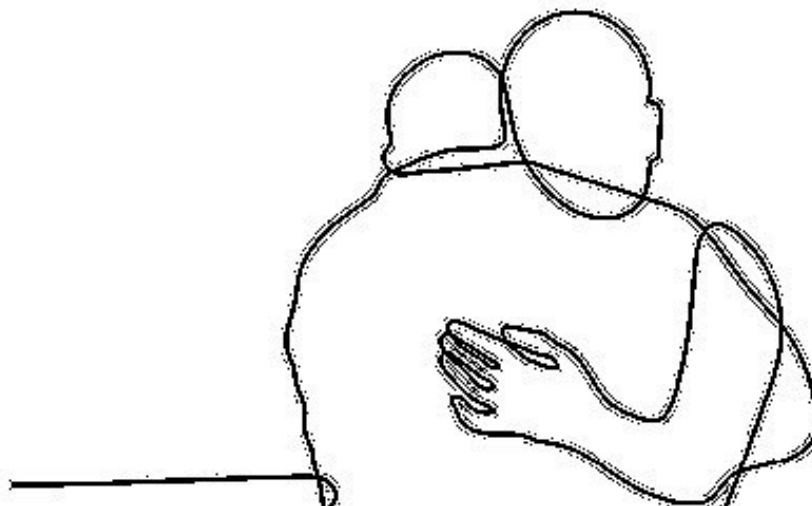
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2019

Содержание

1	5
2	12
3	14
4	20
5	23
6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Леон Костевич Молись и кайся

1

– Эс!

– Великий писатель Петр Авдеев!

Заматеревший в Москве Эсхил выпустил из рук перетянутые брючными ремнями сумки и троекратно расцеловал друга, щекоча черной, кудрявой, как набранный жирным курсивом текст, бородой.

Двадцать с лишним лет назад с этого же вокзала Эсхил Христофоридис уезжал поступать в «Щуку», а перед тем друзья ходили в театральную студию при Доме офицеров. Руководил потенциальными Качаловыми и Ермоловыми лицедей святоградской «драмы» Бобров, видом и манерами больше похожий на бурлака – с неряшливыми усами, грубым голосом, к тому же пьющий. У себя в театре он играл Тузенбаха¹, и играл хорошо, выпив же, любил порассуждать «о тонкости Чехова» и о том, что «никто ни бельмеса не понимает разбора драматургии этого великого автора». «Чехова нельзя иллюстрировать, – внушал Бобров студийцам. – А в нашем понимании тонкость – это надеть длинное платье со шлейфом и натянуть фрак». Притихшие студийцы внимали. «Не в этом суть! – голосом оперного трагика ревел режиссер. – Чехов – глубинный автор!» Ни одного спектакля за все три года они так и не поставили – пробавлялись концертами для военных к Двадцать третьему февраля да новогодними утренниками. Но было весело. Ездили на пикники, вместе встречали праздники, крутили романы. И постоянно что-нибудь репетировали.

Эсхил искал глазами окно своего купе:

– Жена дочек собирает...

За прошедшие годы он стал напоминать карточного короля: прямой взгляд больших, немного удивленных глаз, румянец на скулах, полные губы и богатейшая растительность в поллица. Узнать, бывает ли у карточных королей лысина, обычно не дает корона, но если бывает – друг Петра соответствовал образу целиком.

¹ Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры».

Сам Петр являлся обладателем коротких, никогда не расчесываемых темных волос: они торчали на голове соломой и придавали своему владельцу дополнительное обаяние.

Эсхил достал сигареты.

– Я бросил давно, – отказался Авдеев.

– А я – по пачке в день. Слушай, я же твой роман в Москве в книжном видел! Меня Сашка Горева затащил.

– Ты Горева знаешь?!

– Учились вместе. Хожу мимо полок, и тут: Петр Авдеев, «За роялем – Берия». Видишь, название запомнил.

– Это второй роман, который у меня в Москве издали. Первый лет пять назад, я за него литературную премию получил.

– Горовому говорю: «Вот, друг мой написал». Потом посмотрел в Интернете, а там твое портфолио – печатался в США, переводился на французский!..

– Было дело. А мы тут все по несколько раз фильм «Белоручки и замарашки» смотрели, где ты играешь.

– Тоже было дело. Ты откуда узнал-то, что я приезжаю?

– От соседки, которая за вашим домом смотрела. Заметь, случайно встретил. Мог бы и предупредить, между прочим. А, ты же номер не знаешь: мы переехали...

Возникла пауза. Деловитый носильщик чуть не наехал Эсхилу тележкой на ногу, ветер пронес через опустевшую вокзальную площадь пакет из-под чипсов. Не представляя, о чем дальше говорить со старым другом, когда не видел его много лет, Петр задал тривиальный вопрос, на который принято отвечать – «Стоит»:

– Как там Москва?

– Разонравилась! – оживился Эсхил. – Потому и вернуться решил. Сказал жене: «Хватит, милая, поедem в нормальный город, к нормальным людям...»

– Насовсем?

– Насовсем, брат ты мой. Хамство, грязь – надоело! Животных больше, чем людей, любят! Заходишь в магазин – на прилавке котяра развалился. Тут колбасу продают, а он себе лижет все места, какие хочет, понимаешь? И все ему: «Ко-о-отечка, ко-о-отечка...» А у меня-то психика здоровая, я же из провинциального города. Поэтому мне хочется взять этого кота за шкуру, скинуть с прилавка да еще наподдать. Как-то раз случай был...

На высокой подножке вагона возникла одетая в черное женщина с усталым взглядом. Ее руки оттягивали чемоданы, из-за спины выглядывали две девочки – лет шести и девяти на вид.

– Вот, Таня, это и есть дружище моей юности, а ныне – великий писатель современности Петр Авдеев, – задорно представил Авдеева Эсхил.

«Великий писатель современности» смущенно кивнул.

– А это, Петше, супруга моя Татьяна и... – знаменитый уроженец Святограда принял у жены чемоданы, помог ей спуститься, – ...и доченьки мои, Варя и Глафира. – Он снял с подножки девчушку с кукольными глазками и выбивающимся из-под шапочки льняными волосиками, а за ней крепенькую, с целеустремленным видом девочку постарше – так в мультфильме могла бы выглядеть рассудительная морковка.

– А Гласка... – Варя непредсказуемо вцепилась в шубейку сестры и попыталась выдрать оттуда клоч меха. – Гласка мои каландасы отоблала!

– Правильно сделала, уже к станции подъезжали! – прикрикнула на младшую дочь Татьяна. Извиняясь, пояснила Петру: – Все нервы они мне в поезде вымотали.

Авдееву показалось, женщина нарочно скрывала свою привлекательность отсутствием косметики и повязанным по самые брови платком. «Хотя, – возразил он себе, – до красоты, что ли, в скомканных купейных сборах, да еще с маленькими детьми».

В салоне такси пахло новым ароматизатором. Татьяна сидела впереди и настороженно обозревала незнакомые улицы. Во избежание свары Варю и Глашу рассадили по разным краям заднего сиденья, но сестры и тут ухитрились высказывать друг другу претензии.

– Так вот, – вспомнил Эсхил, когда машина проезжала мимо святоградского хлопчатобумажного комбината. – Вышел я как-то после репетиции из театра в новых штанах в магазин, а мне ротвейлер навстречу – огромный такой, зараза, в наморднике. И хозяйка его даже не удерживает! А он идет ко мне, и я понимаю, что сейчас это все произойдет. Говорю ей: «Почему вы не держите-то его?» – «Ну он же вас только понюхает». Он и понюхал. И его слюна осталась на моих брюках. А я не хочу, чтобы меня нюхали!!!

К последней фразе Эсхил достиг такого накала, что таксист даже оглянулся. Только по невозмутимости Татьяны и девочек Авдеев догадался – это была кульминация репризы.

– Логика москвичей понятна, – уже спокойнее продолжал рассказчик. – Собака все равно будет любить – только кусок колбасы дай, а на человека нужно затрачиваться. Но люди в больших городах на других затрачиваться не хотят: у них полтора-два часа уходит лишь на то, чтобы до работы доехать. Вот и ходят все в скорлупе собственного достоинства, которое сжирает их. Такая трагедия, брат ты мой...

В такси стало тихо. Хлопчатобумажный комбинат давно остался позади. В сшитых там халатах когда-то щеголяла вся женская часть Советского Союза. После перестройки большую часть цехов закрыли, но все равно этот окраинный район неофициально продолжали называть «СХБК».

Оглядев салон машины, Эсхил подметил около руля маленький турецкий флажок.

– Вот смотрю я, парень, ты же вроде не турок? – нейтральным тоном полюбопытствовал у таксиста недавний москвич.

– Да у меня друзья турки, – беззаботно объяснил водила.

– А турки повесили такой же флажок, только российский, у себя в машинах?

– А зачем они должны вешать? – насторожился парень.

– А зачем ты повесил? Нет, ну зачем ты повесил?

– Они бы тоже повесили! – стал горячиться таксист.

– Так нет – повесили бы или повесили? – все так же уравновешенно продолжал бородатый пассажир. – Ты подарил им такой же?

Петр тихо засмеялся.

– А чё ты меня... как будто я тебе!.. – покраснел водитель. – Нет, ты кто такой вообще, чтобы меня расспрашивать?!

– Нет-нет, ты не выкру-у-учивайся... Ты так и скажи, что нерусский человек.

– Да русский я-а-а! – взбесился шофер.

– Мужик, ты скажи правду: обрезался, ислам принял? – голос Эсхила оставался ровным.

– Не принимал я исла-а-а-ам! Не принима-а-ал!!!

Татьяна философски вздохнула. Варя спала, неловко поджав коленки к подбородку. Глаша прижалась лбом к стеклу, и стекло от ее дыханья запотело.

– А что ж ты флаг-то повесил? – флегматично продолжал допрашивать Эсхил. – Не понимаешь, что ли, что это не картинка? Флаг! Символ! Ты под чужим знаменем едешь! А если война? Кто у тебя дед-то был? Наверное, на стороне власовцев воевал?

– У меня честные все были люди!!!

– Где ж они честные, если воспитали предателя Родины! С такой либеральностью мы до чего угодно можем дойти. И доходим уже.

Неизвестно, чем закончилась бы полемика, если бы машина не пересекла условную границу Колпачков. Колеса захрустели по гравийке частного сектора. В народе район прозвали Колпачками из-за располагавшейся тут с 50-х годов фабрики школьно-письменных принадлежностей. Бракованные колпачки шариковых ручек вываливали прямо за формовочным

цехом, а окрестная пацанва набивала ими карманы и использовала при расчетах в своих многоуровневых переговорах.

– За алкашами – налево, – указал Эсхил «предателю Родины». Перед тем как расплатиться, ознакомился с расположенной на передней панели табличкой, сообщавшей имя-фамилию таксиста, и напутствовал: – Российский флаг повесь, «ибн Ямин» Кузьмин!

* * *

Когда Петр приходил к другу в последний раз, забор был выше. С тех пор некрашенные доски сильно вросли в землю и потемнели от дождей. Эсхил не глядя просунул пальцы в щель между калиткой и столбом ворот, откинул хитрую щеколду. Разбуженная несколько минут назад Варя издала звук, которым, наверное, можно было бы разрезать не очень толстый лист металла, и кинулась к пустующей собачьей будке.

– Ва-ря-ос-то-рож-но! – скороговоркой метнула вслед дочери Татьяна.

Благоразумная Глаша спряталась за мать и оттуда недоверчиво разглядывала новые владения: баньку и сарай по левую сторону; валявшиеся рядом с банькой колун и несколько поленьев; устланный прапралиственной садовой дорожкой сад, деревянную кадку, небольшой дом впереди.

– Потеплеет – шашлык будем жарить, – кивнул глава семейства на покрытый мхом мангал и стал нашаривать под крыльцом ключ, оставленный там соседкой, которая присматривала за домом. На лице Эсхила смешивались торжество хозяина и желание не разочаровать.

Хоромы состояли из сеней, трех комнаток и крохотной кухоньки. Петру было приятно снова видеть знакомую обстановку, вдыхать напоминающие о хороших временах запахи. А пахло тут яблоками из кухни и сухой шерстью от зеленого паласа в зале. Из комнаты, принадлежавшей когда-то будущему студенту «Щуки», тянуло старыми книгами и химическим духом магнитофонной пленки – на большие бобины с лентой он записывал Высоцкого, которого оба тогда боготворили. Удивительно, но все это благоуханье за столько лет не выветрилось.

Варя и Глаша с криками помчались делить территорию. Эсхил оседлал стул в столовой:

– Будем чай пить, Татьяна Владимировна? У нас там с поезда осталось что-нибудь?

Татьяна ушла ставить чайник.

– Тоже актриса? – спросил Петр.

– В «Щуке» и познакомились. Потом вместе в театре служили.

– Ты ведь в «Выдающемся» играл?

– Ну так! С Юрой Филимоновым гримерку делил.

– Да ладно?

– Точно. Татьяна Владимировна! Ты куда фотографии театральные упаковала?! погоди, Петше...

Эсхил ушел, но быстро вернулся с тяжелым фотоальбомом:

– Вот – это мы с Юрой Филимоновым. Когда я пришел в театр, он уже болел.

– Ты его так и называл – Юра?

– Нет, конечно. По имени-отчеству и на «вы». Это – Сашка Горевой... Дашка Солдатова... А это весь наш курс.

На последней фотографии стояли, сидели и даже лежали те, кого сегодня каждый день показывают по телевизору. Только гораздо моложе.

– Майданников? – удивился Петр.

– Педагог мой.

– Ты говоришь, насовсем приехал – а театр как же?

– Так-то, брат ты мой, следишь ты за успехами друга, – с деланой укоризной нахмурился хозяин дома. – Не любишь ты меня. Не любит он меня, Татьяна Владимировна! – снова крикнул в сторону кухни Христофоридис.

– Мы когда в последний раз виделись-то, Эс! То пересеклись – ты на каникулы приехал, потом через год еще раз, и все. Потом родители твои умерли, ты телефон поменял, мы квартиру продали – и потерялись. В соцсетях тебя нет...

– Да ну их!

– Но мы все, с кем в студию ходили, гордимся тобой. А уж когда «Белоручек и замарашек» по телевизору показали, то вообще!

– Так и испортить человека недолго, – заскромничал Эсхил. – Кого из студийцев-то видишь?

– Генку встречаю – она на радио работает. С Леней случайно сталкиваемся. Толян Кишканов изредка позванивает.

– Хорошо бы собраться. Как они?

– Генка все такая же – хиппует, клюшка. Леня чего-то в пивной компании делает, не знаю толком. Вроде поддать не дурак и по-прежнему идеями фонтанирует. А Толян вообще не просыхает. Говорят, мать валтузит.

– Теть Людю? Вот урод! Он с самого начала в студии случайным человеком был.

– А кто там был неслучайным? Кроме, как выяснилось, тебя. Так ты чем занимаешься-то теперь?

– Я, Петше, режиссер. Документалист. В прошлом году фильм снял о греческих и российских храмах, о православной вере. Теперь буду о своем многострадальном народе кино делать.

Последние слова Эсхил произнес с иронией, но Петр помнил – со своим многострадальным народом Эс носился еще в далекую студийную пору, только называл себя тогда не греком, а ромеем². В результате историю греков Авдеев знал лучше российской. Особенно период, касающийся геноцида понтийцев в Османской империи. Чтобы выжить, прадед Эсхила взял турецкую фамилию Кер-оглы: турецкие фамилии брали тогда все оказавшиеся под гнетом турок греки. С ней и бежал в Россию.

– Церкви я по всей стране снимал, – широко махнул рукой Эсхил. – Куда только не ездил! И сюда приезжал – закладку нового храма Покрова Пресвятой Богородицы запечатлеть. Ты хоть знаешь, что рядом с Покровским храмом начали новый строить?

– Как-никак в газете работаю. Так ты, паразит, приезжал и не зашел?

– Ты же квартиру продал! Я три дня был, даже у цыган на свадьбе погулял. Искать некогда было. Да и возвращаться в Святоград уже тогда собирался: вот, думал, перееду – повидаемся. А премьера у меня в Храме Христа Спасителя проходила, представляешь! Из Салоник специально хор приезжал, тридцать человек. Теперь вот со съемками фильма про греков помотаться предстоит – сначала по Черноморскому побережью Кавказа, потом в Краснодарский край, в Ставрополье... В Грецию поеду – снимать тех, кто туда в перестройку из России отвалил.

Татьяна принесла вазочку ломаного печенья в крошках заварки, копченую колбасу, чашки с изображенными на них ландышами – мама Эсхила доставала их, когда приходили гости. Обветренными, в царапинах руками новая хозяйка раскладывала чайные ложки, сыпала в сахарницу кубики рафинада из кулька. Она снова не пыталась подать себя: черный платок на голове сменила застиранная косынка, только теперь не повязанная по брови, а открывающая лоб.

Почувяв еду, к столу притопала Глаша. Неуклюже протиснулась между холодильником и стеной в угол. Ткнула вилкой в кусок колбасы.

² Ромеи (римляне) – греческое самоназвание населения Восточной Римской империи, византийцы.

– Бери-бери, Чимбуртында, – поощрила мать. – Скоро Великий пост – тогда нельзя будет. Это когда Глашка у нас говорить училась, такое словечко болтала – «чимбуртында». Никто так и не узнал, что означает.

Эсхил и Татьяна встали.

– Молитву-то надо прочитать перед вкушением, – пояснил Христофоридис. – Мы же не басурмане какие.

Петр поспешно поднялся.

– Ты вообще-то крещеный? – уточнил Эсхил.

– Спрашиваешь!

В душе Авдеев считал себя верующим, поэтому, хоть и расценил происходящее как вмешательство в свою личную жизнь, в чтении молитвы ничего зазорного не увидел. Даже наоборот: это выглядело так облагораживающе. До сих пор крестным знаменем он осенял себя единственный раз – когда жена после аборта стала поститься и настояла на том, чтобы оба они окрестились.

– М-м-мамаська! Я все платье излисовала себе, все платье излисовала! – перебила молитву влетевшая из коридора Варвара. Ее розовый сарафан покрывали разноцветные трассеры от карандашей.

– Мо-о-ой золото-о-ой... – забасил Эсхил, потянувшись губами к младшей дочери.

– Варька, зар-раза, стирать не успеваю! – неожиданно заорала Татьяна и так жახнула ладонью по столу, что из вазочки на клеенку выпрыгнули обломки печенья.

Дочь с ревом убежала.

– Внутричерепное давление у нее. Это нам за грехи наши, – сказала Татьяна так буднично, будто объяснила, что в комнате нет света, потому что перегорела лампочка.

Эсхил потянулся к чайнику, подлил себе кипятку:

– А ты как живешь, Петше?

– Как все.

– Женат?

– Есть маленько.

– Это та самая девочка, которую я видел, когда в первый раз на каникулы приезжал?

...После школы Эсхил с Петром стали готовиться к экзаменам в «Щуку» – учили Маяковского и Зошенко, репетировали этюды. Но тут у Авдеева слег отец, и в Москву Христофоридис поехал один. Отец сгорел всего за месяц, а на следующий день после похорон несостоявшемуся студенту принесли повестку из военкомата. Срочную он служил там, где только песок да верблюды.

Какое-то время Авдеев утешал себя, что поступит в театральный институт после армии, – вчерашним солдатикам делали поблажки. Но, прослужив год, нечаянно начал писать рассказы – вполне себе приличную прозу о том, для чего люди просыпаются каждое утро.

Уволившись из армии, Петя пошел на филфак Святоградского университета и женился на милой медсестричке Стелле, приходившей делать уколы его маме Анне Антоновне. Старший товарищ Январев – записной ходок из их же студии – советовал: «Не женись рано, погуляй». Но начинающий писатель не послушал.

Медсестричка оказалась доброй, однако совершенно не приспособленной к домашнему хозяйству. То, что другие женщины делали шутя, ей давалось мучительно. Поначалу Стелла тщицалась соответствовать – покупала ткань для штор не в цвет обоев и утюжила мужу брюки так, что он переглаживал заново, но после рождения дочери словно надорвалась: уже четырнадцать лет Петр сам следил, чтобы у него не переводились чистые рубашки, и штопал себе носки. В конце концов писатель решил: нужно разводиться – хорошо, дочка подросла...

– Так и живем, – резюмировал Авдеев.

Татьяна тихонько вздохнула. Она давно отправила Глафиру из-за стола – подальше от разговоров взрослых – и теперь прислушивалась к происходящему в глубине дома.

– Разведетесь – один останешься, – неодобрительно предостерег Эсхил.

– Есть женщины в русских селеньях...

– Нашел уже?

Татьяна изобразила на лице беспокойство по поводу притихших дочерей и вышла.

– Скрипачка из музыкальной школы... Римма. На моем творческом вечере познакомились.

– Так и дыши! А то – семейная «лодка разбилась о быт»!

У Авдеева зазвонил мобильник.

– Стелла, я у Эсхила, – жалобно сказал он. – Хочешь, дам ему трубку? Я не обязан отчитываться...

За окном громыхнуло. Качнулись от ветра деревья. На мгновение в доме потускнел свет.

– Первый гром в этом году, – грустно сказал Петр. – Поеду я: видишь, Стелка «температурит», да и вам отдохнуть надо. Приходите в гости: у вас тут пока не налажено, а жена пирогов напечет.

– До гостей вам с разводом?

– Стелка рада будет – я про тебя много рассказывал. «Белоручек и замарашек» вместе смотрели.

– Ты работаешь или на гонорары живешь?

Авдеев прошел к обитой клеенкой двери, снял с крючка куртку:

– Я же не Стивен Кинг. Журналистом подвигаюсь в газете, в «Святоградских ведомостях».

– Доволен?

– Ненавижу. Редакция – урод на уроде. А главная редакторша – просто гримза!

– Как зовут? Когда я в прошлый раз приезжал, листал местные газеты – может, попалось.

– Лесная Красавица ее зовут.

– Нет, серьезно...

– Серьезней не бывает. «Лесная красавица» – эвфемизм елки, штамп такой журналистский, который нельзя применять. Верхушек нахваталась – и всех поучает. А поскольку остальные и этого не знают, выглядит образованной. – Петр разволновался, вынул ногу из наполовину надетого ботинка. – Сама себя называет ведущим журналистом Святограда! Пытается писать, как в московском «глянце», – выходит смешно.

– «Такой лишний неприязнь испытываю, что кушать не могу», – проговорил Христофоридис с кавказским акцентом.

– Да я уже сам над собой смеюсь. Утром просыпаюсь и начинаю моделировать ситуации – что она мне скажет да как я ей отвечу.

– Это гордыня, – вынес вердикт Эсхил. – Ты ведь почему мучаешься? Не можешь пережить, что кто-то смеет перечить тебе, великому!

– Да я-то себя великим не считаю...

– Но она – ниже, да? Гордыня, брат ты мой, для Бога страшнее убийства: убить можно в состоянии аффекта, а гордыня – первогрех, корень всех остальных грехов.

Авдеев приуныл. Он не рассказывал о том, как ему плохо, матери: она вывалит ворох бесполезных советов; не имел права довериться жене: подло рассчитывать на сочувствие женщины, которую собираешься бросить; не мог поделиться с любовницей: из-за большой разницы в возрасте их опыт сильно не совпадал. А теперь старый друг говорил совсем не то, что хотелось услышать.

2

Возвращаться домой не тянуло. Пока Авдеев добирался к себе в центр, заморосил дождь, и писатель пожалел об оставленной на автосервисе «мазде».

Дверь открыла дочка в майке с изображением летучей мыши. Неглупая вроде бы девица в последнее время заинтересовалась готами и хоть в крайности не бросалась, но книжицы по некромантии почитывала.

– Борю кормили? – с порога спросил Петр.

По дороге он собирался купить коту корм, но забыл, а нормальную человеческую еду зверь есть отказывался.

Роскошный котище Боря, словно поняв слова хозяина, нарисовался в прихожей и благодарно потерял тяжелой рыжей тушей о его ноги.

– Настя, кто пришел? – выглянула из своей комнаты Анна Антоновна. В проеме двери были видны махровый халат, стоптанный шлепанец и металлическая черная трость.

– Это я, мама! – не очень радостно сказал Авдеев.

– Ты не заболел, сынок?

– Мам, почему у тебя вечно – заболел? Устал. – Петр прошел на кухню. – У нас есть поесть?

– Я еще не готовила! – Стелла с вызовом откинула назад длинные светлые волосы, которые совсем ей не шли.

Авдеев много раз просил жену сделать короткую стрижку, но всегда получал отказ. Стелла распахнула пеструю от магнитиков дверцу холодильника так, что стоявшие с внутренней стороны бутылки громко звякнули.

– А отчего же ты не готовила? Час назад звонила – знала, что я еду.

– Я тоже работаю и тоже устаю!

– И после этого ты спрашиваешь, почему я хочу с тобой развестись, – уколол жену в больное место Авдеев.

– Может, если бы ты меньше таскался по молодым бабам, я бы находила для тебя больше времени. – В голосе жены послышались слезы. – Прости, Петечка, котик, прости.

– Когда я не таскался, ты за четырнадцать лет ни разу – ни разу! – не встала утром завтрак мне приготовить! Я не говорю про что-то замысловатое, но бутерброды сделать можно было? Яичницу пожарить!

– Ей ведь тоже надо отдыхать! – невинным тоном подлила масла в огонь Анна Антоновна.

– Три женщины в доме – я хожу голодный, – буркнул Авдеев, решивший не поддаваться на провокацию. – Ладно, давай не будем выяснять отношения при маме и при Насте. И при Боре.

Боря оказался наиболее понятливым – коротко мяукнув, прошествовал за дверь. Настя продолжала сидеть: утвердилась локтями на массивной, из искусственного камня, столешнице и хмуρο глядела исподлобья.

– Концерт там хороший идет, – попыталась разрядить обстановку мама. – Филипп такой красивый! Все свои старые песни поет. И Алка пришла. – Анна Антоновна многозначительно понизила голос. – С Макси-и-имом.

– Мама! – вспыхнул Петр. – Пожалуйста! Давай больше никогда не будем говорить про Алку, Филиппа и Максима! Я сто раз просил – ты как будто назло делаешь.

Анна Антоновна поджала губы:

– Я, знаешь, сынок, пятьдесят три года проработала в центральной библиотеке, была заведующей, и никто не считал меня дурой. Только родной сын... – Голос пожилой женщины завибрировал, на стол упали крупные слезинки.

– Никто не говорит, что ты дура, мама. Если мои слова тебя обидели, прости. – Авдеев извинялся с досадой, не чувствуя раскаяния.

Несколько лет назад, стремясь, как пишут в бюллетенях по продаже недвижимости, улучшить жилищные условия (а особенно обрести отдельный кабинет для работы), Петр предложил матери продать квартиру и съехаться. Но он даже представить не мог, как обострится у них под общей крышей разница в восприятии одних и тех же вещей. К собственному ужасу, Авдеев стал меньше осуждать отца, устраивавшего Анне Антоновне некрасивые скандалы из-за ее хронических разговоров по телефону («Мне звонили из издательства!»).

В кастрюле на плите закипела вода. Жена нервным движением разорвала пакет сосисок.

– Настёна, уроки сделала? – весело осведомился у дочери Петр. Он всегда переживал, что уделяет ребенку мало внимания.

– Почти, – мрачно ответил ребенок.

– Про чего учила?

– «Капитанскую дочку» проходим.

– О-ля-ляшки! – сразу забыла обиду бабушка. – Уже «Капитанскую дочку»! Перечитывать бы не стала, но хорошо помню, как проводила по ней семинар. Пушкин там дает положительную оценку и русскому бунту против самодержавия, и самому Пугачеву: Пугачев – вожак народа. Мы можем противопоставить автора его герою Гриневу: Гринев называет пугачевское движение бунтом бессмысленным и беспощадным, а для Пушкина это проявление народной воли...

Сообразив, что разговор принимает дидактическое направление, Настя встала:

– Ну, хоп, пойду дальше уроки делать. Сварится – зовите.

– А вот ты знаешь, что означает слово «хоп»? – Теперь в Авдееве заговорил филолог.

Девочка пожала плечами.

– По-узбекски «хоп» значит «договорились» или «пока», – проинформировал отец.

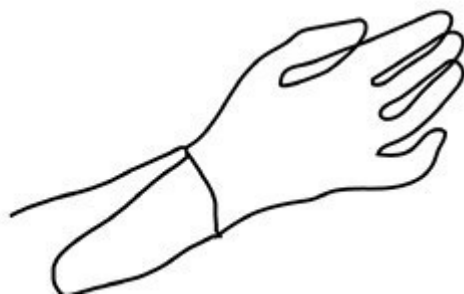
Стелла шумовкой стала вылавливать сосиски:

– А к нам в поликлинику поляки приезжали, когда мы у них приборы для магнитно-резонансной томографии покупали, так там один менеджер, Пшемек, говорил, что у поляков «хоп» кричат, когда в лесу заблудятся, – как наше «ау».

– Да-а-а, – протянула Настя, – вот так услышишь где-нибудь «хоп», и поди разберись – то ли узбеки прощаются, то ли поляки аукают...

3

1

Вечером в субботу объявился Эсхил.

– Это великий писатель Петр Авдеев? – раздался в трубке звучный баритон.

– А это – великий режиссер Эсхил Христофоридис? – Чтобы сделать другу приятное, писатель опустил слово «документалист». – Эс, я помню, что в гости звал, но пока насчет своего графика не пойму...

В ответ послышалось смущенное кхеканье:

– Да я не про то... Петше, ты машину из ремонта уже забрал? Не свозишь нас завтра в храм на утреннюю службу? Тут, конечно, всего две остановки, да с детьми, сам понимаешь...

– Ты же говорил – там новую церковь стали строить?

– Да старая-то остается! Кто же будет храм ломать – ну, ты даешь!

* * *

За те два дня, что они не виделись, в зале у Христофоридисов появились иконы, занявшие половину белой, в трещинках стены. Под иконами стояли не до конца разобранные сумки с торчащими оттуда рубашками и свитерами. Помимо отпечатанных типографским способом изображений Авдеев увидел лики, писанные на досках, и даже один определенно старинный складень.

– Это мне на Афоне подарили, – похвалился одетый как на праздник Эсхил. – Я в Грецию свой фильм про храмы возил.

В комнате внезапно посветлело: выглянувшее впервые за неделю солнце сразу отреставрировало образа, озарило лежащий на подоконнике молитвенник со стертymi уголками.

– Эха, давай поторопимся, – нервно попросила Татьяна. Пальцами с коротко остриженными ногтями она сжимала булавку, пытаясь закрепить на упитанном Глашином боку нарядную юбку. – Глашка, не верти башкой – косой своей мне нос щекочешь!

Полившийся сквозь окно солнечный свет разметил палас на неровные четырехугольники. Прокравшаяся в зал пестрая кошка развалилась было на одной из трапеций, но, услышав доносившийся откуда-то Варин голосок, нервно подобралась.

– Варя, опаздываем, собирайся! – скомандовала мать.

– Вот, котейко завел, – похвалился Эсхил. – Муркою назвали.

– Ты же не любишь животных? – подковырнул Петр.

– Я не люблю, когда из них фетиш делают.

Вбежавшая с громким топотом Варвара упала на пол, вынула из карманов кофты носки.

– В церковь поедем? – улыбнулся ей не очень-то умеющий общаться с маленькими детьми Петр.

Девочка отрицательно замотала головой.

– А куда? – встревожился писатель.

– В х-р-р-рам!

– Может ведь не картавить, если старается, – покачала головой Татьяна.

* * *

Когда Авдеев остановил машину около церкви, Эсхил хлопнул себя по тулье черной кепки-капитанки:

– Не подумал я! В храме, куда мы в Москве ходили, утренняя служба на час раньше начинается. Могли бы поспать еще. Ну, ничего. Татьяна Владимировна, ты пока иди записочки подавай, а мы с братом Петром тут постоим, я покурю.

Глаша и Варя на время оставили разногласия и не отходили от матери. Она подтолкнула их в сторону двора:

– Идите-идите – с детьми познакомьтесь. Эха, дай денег.

Положив купюры в карман, Татьяна двинулась к храму, у входа трижды перекрестилась и поклонилась.

Наполовину снесенный из-за строительства забор открывал низенькую Покровскую церковь, надворные постройки и греющихся на солнышке прихожан. По темному от талого снега асфальту разгуливали дети в расстегнутых пальтишках. У южного придела что-то клевали воробы.

Невдалеке возвышался желтый бревенчатый четверик будущего храма – выглядывал из ржавых лесов, как медведь из клетки. В черный проем двери вели деревянные мостки с брусками-ступеньками. Изнутри доносился визг электропилы. У фундамента покоились бревна и пухли кучи влажных опилок, распространяющих сосновый запах. Участок пересек рабочий в робе и резиновых сапогах. От церковного двора строительное пространство отделяла понатыканная в землю арматура с привязанной к ней, колышущейся на ветру красно-белой лентой.

Напротив, через узенькую улочку, стояли скособоченные, точно от радикулита, домишки. Маленькие окошечки с разверстыми щелястыми ставенками напоминали книжки из «Букиниста».

Людей во дворе становилось все больше. Из остановившегося рядом джипа выкарабкался старик с длинными седыми космами. Снял и бросил в кабину пальто, оставшись в белейшей шелковой рубахе навывпуск. Поежился, поспешил в тепло храма, но задержался, увидев Эсхила. Они почеломкались, сцепляясь бородами, как частями застежки-липучки.

– Иван, это мой друг Петр, большой писатель, – завел знакомую песню Христофоридис и, уловив на лице Ивана недоверие, добавил: – Seriously, у него книга в Москве вышла.

– Две книги, – поправил Авдеев.

– А это, Петше, настоящий цыганский барон! – Эсхил обнял старика за плечи. – Как дочка поживает, у которой на свадьбе гуляли?

– Через месяц уже другая выходит – Зора. Помнишь, песню красивую в микрофон пела? Приходи, я тебе потом приглашение принесу. И вы, Петр, приходите. – Цыган снова поежился. – Пойду – холодно.

– Храни Господи, – кивнул ему Христофоридис.

Сидевшие во дворе церкви стали понемногу заходить внутрь. Эсхил вынул еще одну сигарету.

– Правда, что ли, барон? – не поверил Авдеев.

– Без всяких-яких. Ты же заметил – цыгане поутихли? Так это потому, что Иван понастоящему в православие обратился.

Действительно, жившие оседло в пригороде Святограда чавелы в последнее время при-
смирели и даже почти перестали продавать героин, на доходы от которого давно понастроили себе аляповатые дворцы.

Из строящегося храма, пружиня на мостках, спустился священник в рясе. Увидав Эхила, направился к нему, но задержался у торчащей посреди участка трубы, отвинтил кран и стал пить.

– Отец Даниил, настоятель, протоиерей. – Эхил затоптал недокуренную сигарету. – Потомственный священник. Только благодаря ему новый храм и строится. Столько успеваешь! За городом реабилитационный центр для бывших зеков открыл, церковнославянский язык в приходской школе преподаешь. – Режиссер шагнул навстречу отцу Даниилу, сложил на уровне живота ладони лодочкой – правую на левую, опустил голову:

– Благословите, батюшка.

Священник перекрестил склоненную перед ним фетровую капитанку и подал руку для поцелуя. Наблюдая сцену, Авдеев испытал неловкость – как если бы подсмотрел что-то очень личное.

– Отец Даниил, это мой друг Петр, гениальный писатель, – сделал Эхил театральный жест в сторону Авдеева.

Растерявшийся Петр протянул настоятелю руку, которую тот крепко пожал. Выглядел отец Даниил на шестьдесят с лишним. В косматой бороде блестели капли воды, низ рясы запо-
рошили опилки, а поверх позолоченного креста висел фотоаппарат с длинным, похожим на завалившуюся-таки Пизанскую башню объективом.

Священник глазом хозяина оглядел синие кабинки туалетов для рабочих, перевел взгляд на птичек, клюющих утеплитель между бревнами:

– Все-таки надо было по канадской технологии строить, бо еще раз конопатить придется...

– Денег-то хватает на строительство? – деловито поинтересовался Эхил.

– Знаешь ведь, миром строим. Сам по организациям, аки выжлец³ мотаюсь, выпрашиваю: на епистолии⁴ они не больно-то отвечают. Плюс община наша подсобное хозяйство имеет, казачий округ денег дал... Опять же, именные кирпичики⁵. С велицей помощью Божией.

Незаметно разглядывая отца Даниила, Петр попытался представить его в строгом костюме и удивился, до чего похож стал бы священник на профессора, читавшего у них на филфаке «зарубежку».

Протоиерей с Эхилом взялись обсуждать, во что обойдется подключение храма к электричеству, а заскучавший Авдеев решил поразмяться и отправился к машине. Всего за полчаса его «мазда» ухитрилась вписаться в местный пейзаж: на лобовом стекле темнела осыпающаяся со старой сливы труха, а между колесами пристроилась немолодая дворняга.

Когда Петр вернулся, отца Даниила уже не было, зато к его другу подступала нищенка в массивном, как снятом с памятника, пальто. Ее мужественное лицо с крупными чертами выражало решимость викинга, готового сей же час вознестись в Валгаллу.

– ...бабе Клаве покушать, – хрипела старуха. – Тебя как зовут, зайка?

– Эхил, – представился Христофоридис.

³ Охотничий пес гончей породы (церковнослав.).

⁴ Письма, послания (церковнослав.).

⁵ Вид частного вклада в храмовое строительство. Имена жертвователей пишутся на отдельных кирпичиках, которые будут вложены в стены храма, а также вносятся в особый синодик для поминовения на литургии.

Увидев, с какой готовностью потянулся ее собеседник во внутренний карман, баба Клава решила ковать железо:

– Мясхил, – «повторила» она, напирая на «я» и ничуть не выдавая удивления тем, до чего иногда странные попадают у людей имена. – Мясхил, ты вот сейчас денежку дашь, а потом завтра еще приходи: у бабы Клавы день рождения, так ты бумажечку принеси побольше...

В руках Эсхила появилось портмоне. Глаза старушечки воссияли надеждой:

– Мясхил, ты приходи сюда часто. Как придешь – сразу меня спрашивай...

Бумажник переключался из левого внутреннего кармана в правый. Взгляд бабы Клавы поулег. Рука Эсхила забралась обратно, в пальцах шоркнула пятисотрублевая купюра. Взор «викинга» помутился. Купюра последовала за портмоне. На свет явилась монета в десять рублей, но и она не достигла шершавой мужской ладони бабы Клавы. Наконец, пошерудив в кармане брюк, Христофоридис извлек рубль, который и вложил в простертую длань. Чтобы не выдать разочарования, просящая задвигала-зашмыгала внушительным, как выросший на нитратах огурец, носом.

– Это я ее смиряю, – пошутил Эсхил, когда баба Клава испарилась. – Отец Даниил говорит, она тут всех своим днем рождения доконала. Идти надо, брат ты мой, скоро служба начнется.

Авдеев снова прошел к машине, открыл дверцу. Не садясь за руль, включил зажигание. Вздрогнувшая от звука мотора дворняга нехотя убралась из-под колес, постояла в раздумьях и исчезла в ближайшем дворе, с усилием протиснувшись между деревяшками штaketника.

– Смотри-ка – Толян! – вдруг воскликнул Петр тоном, не позволяющим определить, доволен он неожиданным появлением старого знакомого или огорчен.

С теневой стороны улицы, шлепая кроссовками по укатанному снегу, в их направлении переставлял ноги человек с волнистыми, давно не мытыми русыми волосами. На его плечах коробилась короткая, напоминающая рыцарскую кирасу куртка, далеко распространявшая запах секонд-хенда. Сверху из-под куртки выглядывал ворот поношенной олимпийки.

– Петруся! – обрадовался Толян. – Прикинь, «однёра» заблудилась – по другому маршруту пошла, а я с бодуница закемарил, не расслышал, чё водила в микрофон бухтит... – Повернувшись к Эсхилу, бывший студиец прищурился и энергично облизал обветренные губы: – Хилуха, бродяга!

...В студию Толян попал, скажем так, по инерции: одинокая мать тетя Люда старалась дать ему как можно больше разумного-доброего-вечного и записывала во все кружки и секции подряд. Так Кишканов выучился шить мягкие игрушки, кататься на коньках, гонять на спортивном велосипеде и стрелять из мелкашки. А однажды тетя Люда вырезала из газеты заметку о наборе, объявленном Домом офицеров для желающих стать «клованами» («Мы же все – клованы», – сентиментально говаривал пьянящий в лоскуты Бобров). На вопрос, кто виноват в том, что из Толяна с таким багажом ничего не вышло, существует три варианта ответа: водка, среда, гены, – отец Толяна, пока не ушел из семьи, так мутузил тетю Люду, что она неделями сводила следы побоев бодягой.

Сейчас Кишканов работал от случая к случаю: жил и пил на пенсию матери.

– Друзья встречаются вновь, – понуро засвидетельствовал он, не увидев ответного энтузиазма, но тут же предпринял новую попытку подбросить поленьев в костер беседы: – Ты, грек, расскажи, как дела-то!

– В другой раз. – Христофоридис кивнул на церковь. – Уже служба начинается.

– Ве-е-ерущий... – Толян с ядовитым уважением поднял к небу подбородок.

– А то со мной пошли, – позвал Христофоридис.

Толян ухмыльнулся, показывая – шутку оценил.

– Ты лучше скажи, семья, спиногрызы есть? – не отставал он.

Как раз в этот момент отца с налета боднула в бедро девочка-торпеда Варя:

– Папоська, пойдем!
– Ой, какая маргышечка, – умилился Толян.
– Сейчас, мой золотой, – наклонился к дочке Эсхил, и Варя унеслась быстрее, чем появилась.

Пытаясь подъехать к коробу строящегося храма, в узком проулке кряхтел самосвал.
– А может, по пиву? Не убежит церковь твоя, – снова попробовал оживить диалог Кишканов.

– Потом, – обнадежил Эсхил.
Авдеев поддержал друга кивком.
– Чё у вас моськи-то такие кислые? – презрел наконец условности Толян.
Христофоридис крепко взял его за рукав:
– Ты почему мать бьешь, подонок?
– А-а-а... – Захмелевший собеседник недобро глянул на Петра. – Это не я – это водка проклятая.

Эсхил с силой ткнул Толяна пальцем в грудь:
– Тебя, гаденыш, посадить надо!
– Мать не даст, – возразил Толян так горячо, как будто сам, дай волю, освободил бы общество от этого мерзавца Кишканова.
– Тогда в ЛТП сдать! Петше, у нас сейчас ЛТП-то есть?
– Только по решению суда, я узнавал, – развеял Толян и этот мираж.

Эсхил задумался. Пожилая дворняга вернулась и привела с собой еще трех таких же. Пристроившись поближе к люкам теплотрассы, собаки сибаритствовали, довольно поигрывая бровями. Через опустевший церковный двор торопливо прохромал дед в штанах с заплатами. Петр машинально отметил, что уже много лет видел заплаты только на картинках.

– Это Валентин, – перехватил взгляд друга Эсхил. – Кстати, бывший муж бабы Клавы, мне отец Даниил еще в первый приезд рассказывал. В сорок первом году Валентину пятнадцать лет было, он на фронт убежал. Воевал, в плен попал. В Германии на мебельной фабрике работал: сначала табуретки делал, потом гробы. Когда баба Клава его бросила, он в храм попросился, так и живет здесь уже много лет, по хозяйству работает.

Валентин вошел в свою сторожку и тут же вышел с лопатой для уборки снега. Неплотно прикрытая дверь распахнулась, он вернулся – захлопнул получше, но за несколько секунд Авдеев успел увидеть все, что стяжал в мире этот человек: лежанку, печку, стул, стол, стопку книг на столе, иконы.

Пройдя на теньевую часть церковного двора, Валентин стал сгребать снег.
– Шел бы ты работать, Толян. – Христофоридис кивнул на ворочающийся в проулке самосвал. – Везде объявления – на стройках водители нужны.
– Я чё, как Герасим, на все согласен?! За пятьсот баксов гравий возить?
– Так в такси иди!
– Да нельзя мне за баранку! Не дай Бог, бухой поеду – еще собью кого.
– А ты не садись бухим за руль! – подал мысль Петр. – Хоть на пиво и сигареты перестанешь у матери с пенсии тянуть.
– Может, все-таки со мной, Петше? – показал глазами на церковь Эсхил.
– Я считаю, Бог должен быть в душе, – тактично отклонил предложение Авдеев.
– Это как? Папа, я тебя люблю, но в гости к тебе ходить не буду? Подумай: если бы в твоей душе и правда Бог был, ты бы сам стремился туда, где Его изображения, Его благодать. На самом деле это тебе враг говорит – Бог у тебя в душе.
– Враг – это дьявол, что ли? – сощурился Толян.
Эсхил перекрестился:
– Это он подкидывает тебе мысли, которые ты начинаешь считать своими.

Петр вздохнул:

- Эс, ты сам веришь в то, что говоришь? Какой он, по-твоему, с хвостом и рогами?
- Я, брат ты мой, его, к счастью, не видел. Но верь мне, были люди, которые видели.
- Тогда считай, я еще к этому не пришел.
- Вот-вот, это тебе враг и говорит. Но чтобы прийти, нужно идти. А ты же не идешь.

4

Учредитель «Святоградских ведомостей» Георгий Эмильевич съездил в Финляндию. Он вообще – спасибо, деньги позволяли – часто катался в Европу, считал себя проевропейским человеком и как мог старался европеизировать подвластное ему средство массовой информации. Европеизирование состояло в том, что Двадцать третьего февраля в редакцию приглашали стриптизершу; проникшийся идеями шефа фотограф Санёк пробуравил в мочках ушей тоннели диаметром в мизинец, а сам Георгий Эмильевич велел называть себя просто Жорой.

К слову (снова спасибо деньгам), раз в год медиа-магнат устраивал в загородном санатории двухдневные журналистские посиделки под названием «Медиа-бросок» – совершенно бесполезную болтовню с докладами, кофе-брейками⁶ и отмеченными символически мероприятиями шариковыми ручками. Посиделки квалифицировались как международные. И не подкопаетесь: журналист из Польши и телеоператор из Киргизии – вот они.

По случаю возвращения патрона утренняя планерка проходила под условным лозунгом: «Перелицуем “Святоградские ведомости” в таблоид⁷». Чтобы потом никто не говорил, что не слышал, помимо журналистов в конференц-зал согнали дизайнеров, корректоров, сисадмина и менеджеров по рекламе. Рассевшимся за длинным столом сотрудникам раздали номера привезенной шефом пестрой финской газеты. С проектора на настенный экран подавались графики и диаграммы. Водя по ним лучом лазерной указки, Георгий Эмильевич вещал про тенденции в области газетного дизайна. Не жалел слов «макет», «контент» и «визуализация».

– Нельзя просто так взять и раскрасить черно-белую газету, – поучал босс. – Речь идет о принципиально иной композиционно-графической модели!

Первые месяцы работы в «Святоградских ведомостях» Петр простодушно покупался на эти упражнения в красноречии, но время шло, а издание как было посредственным восьмиполосником, так и оставалось. Теперь Авдеева разве что немного интересовало, верят ли в светлое будущее вечерки его коллеги или все эти туры на колесах просто помогают им ощущать себя значимее.

Между тем коллеги лениво перелистывали рябые страницы финских газет, вполголоса обмениваясь «авторитетными» замечаниями. Лесная Красавица с выражением снисходитель-

⁶ Короткие перерывы в ходе официальных мероприятий для отдыха и неформального общения.

⁷ Малоформатная газета со сжатым изложением информации, с броскими заголовками и большим количеством цветных иллюстраций.

ного профессионализма на лице зачем-то отчеркивала зеленым ногтем протяжные суомские⁸ заголовки.

Помнится, когда Авдеев учился на филфаке, преподавательница истории КПСС приносила им статью одного всезнайки, подсчитавшего, сколько тонн бумаги и гектаров леса сэкономила советская власть благодаря отмене одной лишь старорежимной буковки «ерь». Выскочка Комарова тут же резанула, что лучше бы этот грамотей вычислил, сколько деревьев повалили наши зеки ради издания никому в таком количестве не нужных «кирпичей» Ленина–Сталина. Комарову тогда даже из вуза не погнажи – на пороге уже топталась с невинной физиономией перестройка. А сейчас, отключаясь от начальничьей риторики, Авдеев поймал себя на совершенно идиотской мысли: если сократить все удвоенные буквы в финском языке – вот где будет экономия!

И еще подумалось – во времена его октябрьско-пионерского детства не проходило месяца, чтобы их класс не клянчил по квартирам макулатуру: учителя все уши прожужжали о том, сколько благодаря этой бумаге напечатает учебников. А теперь у него уже лет пять пресуются на балконе номера «Комсомолки» – и хоть бы один скаут заглянул! Да еще через день – полный почтовый ящик рекламных листовок: леса, что ли, в России стали быстрее расти?

– Дизайн газеты – не статичная субстанция! – потряс рукой Георгий Эмильевич, и красный луч зажатой в его кулаке указки изобразил в воздухе фигуру лазерного шоу.

Висевшие в простенке между двумя окнами часы показывали —учредитель заходил на пятидесятую минуту: за это время Авдеев успел бы написать полстатьи про оставшийся без света микрорайон.

– Если хотя бы десятая часть всего, о чем он говорит, воплотится, уже хорошо, – шепнула сидевшая рядом пожилая корректорша, симпатизирующая Петру как наиболее грамотному в редакции человеку.

– В общем, – стал закругляться учредитель, – важно, чтобы на данном этапе мы все усвоили – идея понимания газеты как визуального СМИ в мире становится все более актуальной.

Когда Георгий Эмильевич наконец удалился, сунув под мышку цветастую финскую периодику, а следом ускакали дизайнеры, сисадмин и менеджеры по рекламе, Лесная Красавица по-деловому призвала:

– Ну, пробежимся по прошлой неделе. Тимур! Пишешь про гастроли – надо указывать, во сколько концерты начинаются.

– Согласен, косяк, – прогнусавил subtilный Тимур, откидывая падающую на глаза челку. Этот журналист относился к тому типу парней, что в свои двадцать пять лет носят вязаные шапочки с огромным помпоном и рэперские, обвисшие до колен, джинсы.

Из нагрудного кармана криминального обозревателя Николая Рогова раздался дурашливый холопский голос: «Барин, почта пожаловала! Извольте прочесть». Вечно сонное роговское лицо потревожила улыбка, в неравных пропорциях состоящая из самоиронии и самодовольства, причем последнего было больше. Приподняв тяжелые веки, вальяжный газетчик отключил смартфон.

– Коля! – Чуткое ухо могло уловить в голосе Лесной Красавицы прилатненные нотки. – Твою статью про беременную десятиклассницу, которая с восьмого этажа бросилась, на сайт выложили?

– Еще позавчера, – снисходительно хмыкнул Рогов. – Сразу столько «лайков»⁹!

Когда Петру, еще не помышлявшему о журналистике, попадались криминальные статьи в «Вечорке», он думал, их автор – бывший милиционер, сменивший пистолет Макарова на компьютерную клавиатуру и теперь борющийся с оборотами русского языка столь же нерезуль-

⁸ Суоми – самоназвание Финляндии.

⁹ Символы, которые используются для выражения одобрительной оценки материалов, размещенных в Интернете.

тативно, как некогда – с нарушителями общественного порядка. Нет: оказалось, журналистом Коля работал всю жизнь.

Сейчас Авдеева подмывало объяснить утомленному популярностью Рогову, что, если любой первокурсник журфака, ничего от себя не прибавив, просто напишет в Интернете фразу: «Беременная десятиклассница бросилась с восьмого этажа», «лайков» набежит не меньше. Ну а уж если журналист не поленится и, оторвавшись от стула, съездит поговорить с родственниками и друзьями погибшей...

Тем временем главная редакторша уперлась глазками-точками в Петра:

– Интервью с пенсионерами – это мне назло?

– Конечно, нет, – сразу понял, о чем речь, Авдеев. – Но я же не могу писать про то, что хозяин супермаркета строит во дворе жилого дома автостоянку и вырубает деревья, которые еще в молодости сажали пенсионеры, а с самими людьми не поговорить.

– Это пенсионерское нытье так сажает газету, – расстроилась Лесная Красавица. – Что они могут сказать интересного? — Накануне – перед тем как поручить Авдееву этот материал – она полчаса сердечно слушала старушку, которая пришла в редакцию жаловаться на произвол бизнесмена.

– Уходящее поколение, – поддержал начальницу фотограф Санёк с дырявыми ушами. – Везде влезть надо! Город должен развиваться, становиться современнее. Инфраструктура! Я вон в Берлине был...

– Вот и надо многоуровневую стоянку строить, – возразил Петр. – Зачем площадку у стариков отнимать?

Вместо ответа Санёк, считавший Авдеева странным, пропел:

Дорогие мои старики,
Дайте я вас сейчас расцелую.

Лесная Красавица улыбнулась.

– И еще, – ткнула она в писателя пальцем. – Там у вас в статье «Волга» написано с большой буквы, а «мерседес» – с маленькой.

– Видите ли, хотя оба названия совпадают с именами собственными, «мерседес» – исключение из правил... – начала было отвечать за Авдеева сидевшая рядом с ним корректорша.

– Да-да, – перебила начальница, – я что-то такое слышала. Но когда марки машин рядом так по-разному написаны, смотрится плохо – нужно было одинаково.

При этом Лесная Красавица любила потрепаться о засилье непрофессионалов в журналистике...

– А в конце заголовка вместо слова «бесконечность» лично я поставила бы такой специальный значок – восьмерку на боку! – добавила она, для наглядности изобразив желаемое на полях газеты.

– А как называется такой значок? – спросил Петр.

– Это экзамен?!

– Лемниската. Учите матчасть, ведущий журналист Святограда!

5

Ее прозвище – Генка – получилось, скорее всего, из угловатого сочетания имени и фамилии – Евгения Бумагина. Лет с пятнадцати Генка начала мотаться автостопом в Питер – ездила, пока родители-геологи были в поле. Там, в городе на Неве, воткнулась в «систему»¹⁰. Из-за своей чрезмерной полноты не комплексовала – всю носила расшитые цветами клеши. Про хайратник и феньки¹¹ и говорить нечего. Но настоящей хиппи все-таки не стала – слишком трезвый ум мешал не замечать искусственность движения волосатиков в СССР.

В театральную студию Дома офицеров Генка пришла на неделю позже Авдеева. На день рождения подарила ему ужасного качества черно-белые фотографии битлов и кассету с записью «Abbey Road». Из ливерпульской четверки Петька слышал тогда только про Джона Леннона и Пола Маккартни. Ну, еще, умея сносно рисовать, однажды по просьбе одноклассника изобразил на его сумке надпись «The Vietlas». Что касается дрянного качества фотографий, в советские годы внимания на это не обращали. Увидав как-то одну из них на столе сына, Анна Антоновна наивно поинтересовалась: «Петюша, это твои одноклассники?»

Генка, которой выпало родиться на пять лет раньше Авдеева, жила интересной жизнью. Дома у нее тогда был клуб не клуб, салон не салон, но каждый вечер собирались яркие личности. Сидели в Генкиной комнате, курили, пили сваренный (ни в коем случае не растворимый!) кофе и разговаривали интересные разговоры – про «Сайгон»¹², «Рокси»¹³ и «олдовых»¹⁴ хиппи, про Кьеркегора¹⁵, дао¹⁶ и пьесу «В ожидании Годо»¹⁷. Одни уходили, другие приходили. Много позже писатель догадался: родители-геологи терпели эти ежевечерние сборища потому, что понимали: дочку такой комплекции выдать замуж будет нелегко, а так – вдруг кто-нибудь да найдется. Не нашелся.

¹⁰ Примкнула к хиппи.

¹¹ Атрибуты хиппи – налобная повязка и плетеные браслеты.

¹² Неофициальное название кафе в Ленинграде, где собирались представители андеграунда и другая неформальная молодежь.

¹³ Первый рок-журнал в СССР, выходивший в самиздате.

¹⁴ Бывалых, опытных.

¹⁵ Кьеркегор С. О., датский философ, теолог и писатель, один из основателей философии экзистенциализма.

¹⁶ Одна из основополагающих категорий китайской классической философии.

¹⁷ Абсурдистская пьеса ирландского драматурга С. Б. Беккета.

Юный Авдеев приходил под окно Генкиной комнаты, поднимался на цыпочки и барабанил ногтями по стеклу – ритуал, обязательный для каждого: если все начнут звонить в дверь, самые золотые предки не выдержат. Потом Петька шел направо, к подъезду, а Генка параллельно ему двигалась открывать. Стеснительно поздоровавшись с бумагинской мамой, Авдеев крался за Женей сквозь проходную комнату, где спиной ко входу и лицом к телевизору неизменно покоился в кресле нахохленный отец. К тому времени старший Бумагин уже вышел на пенсию и, пока не шибко сильно, взялся попивать – чекушку каждый вечер за ужином, поллитра в воскресенье.

В маленькую, два на три метра, комнатенку набивалось по десять человек. Света не включали – в бронзовом, с изображением китайских иероглифов канделябре горели свечи. На магнитофоне крутилась бобина с Майком¹⁸, со старых обоев смотрела привезенная из Питера афиша «Аквариума» – «Движение в сторону весны». Распахнутая форточка не успевала вытягивать сигаретный дым.

По мере того как Петька подрастал, собиравшиеся у Генки люди виделись ему все менее яркими, а их разговоры – не такими уж интересными:

– «Сарданапал, надменный азиат, зачем мой шарф служил тебе жилищем?»¹⁹ Какой образ – Сарданапал жил в шарфе!..

– Да нет же, Генка, не шарф, а шкаф!

– А-а, так я неправильно услышала! Жаль: «шарф» было бы глубже.

Зато Авдеев стал замечать вечно мокнущее в ванне Бумагиных белье, покрытый жиром кафель на кухне и блуждающих по дому кошек со свалявшейся шерстью – первых, которых ему, завязтому кошатнику, не хотелось погладить. В перестройку выбившийся в бизнесмены Генкин старший брат Дима сделал у родителей кое-какой ремонт. Первые полгода квартиру было не узнать, но потом все вернулось на круги своя...

Кстати, Христофоридис в этот рассадник передовых взглядов почти не заглядывал. Зато часто бывал тут бабник Январев. Однажды он даже завел с Генкой интрижку – так, из страсти к коллекционированию. А та, дурочка, влюбилась и долго страдала.

Иногда она рассказывала Петьке о своих романах – в основном с питерскими рок-музыкантами. Но одни умирали от передоза, другие уезжали за границу, третьи женились. Только не на Генке, а на фигуристых поклонниках. Все любят полных людей за доброту и веселый нрав, но мало кто видел, как размазывают они по лицу слезы бессилия.

Со временем Генкин клуб-салон как-то сам собой рассосался – парни обросли семьями, а умненькие очкастые девахи превратились в старых дев или матерей-одиночек: теперь вместо того, чтобы коротать вечера за чашкой кофе, они устраивали личную жизнь или проверяли у детей уроки. Много лет не заходил к подружке и Авдеев – они случайно сталкивались в городе да переписывались в Интернете.

Сейчас ему было приятно, снова приподнявшись на цыпочки, поскрестись в окно. Потом они с Христофоридисом прошли направо к подъезду, подождали, пока им откроют.

– Да ты еще крепкий старик, Христофор! – толкнула Генка Эшила в плечо кулаком – пухлым, как надутый целлофановый пакет.

К ногам Авдеева сразу прильнул ласковый зачуханный котюня. В проходной комнате в кресле по-прежнему кемарил еще сильнее нахохлившийся папа. Знакомая келья была оклеена теми же, что и тридцать лет назад, обоями; со стены парусом свисала порыжевшая афиша «Движение в сторону весны», обещавшая выступление легендарной группы в ДК МИИТа. Если честно, Авдееву их музыка никогда особенно не нравилась – набор культурных кодов «для своих», и только. Но сейчас в комнате звучала именно она, и Петр слушал не без удо-

¹⁸ Михаил Науменко, автор песен и лидер советской рок-группы «Зоопарк».

¹⁹ Строка из песни Б. Гребенщикова, основателя и солиста группы «Аквариум».

вольствия. Писатель словно в прошлое перенесся, а этого иногда так не хватает. Вот, думаешь, посидеть бы вместе, как бывало, и начинаешь соваться по старым адресам. А люди стали другими: тот – подкаблучником, другой – жлобом, третий – чиновником. Экскурсию в прошлое портили монитор компьютера да стеллаж, где с магнитофонными бобинами в потертых коробках теперь соседствовали компакт-диски.

– Молодцы, что сегодня зашли, – завтра у меня эфир, – похвалила Бумагина, разливая по чашкам кофе. Прорези рукавов ее шелкового кимоно обнажали пудовые, как из гипса вылепленные предплечья. – Наших вообще никого не вижу, только вот Пита иногда, да Анатолий денег на опохмел забегает занять. Потом бутл вайна купит и ходит сияет.

– А ведь он мне звонил, – вспомнил Авдеев. – Говорит: «Петруся, дай телефон грека: пусть в церковь сводит, грехи на мне...»

– Это про какие он грехи? – Прежде чем сесть, Христофоридис выгнал из кресла старую, тяжелую кошку. – Что мать бьет?

– Зеков, говорит, в армии поубивал. У них зона рядом была: пятеро мазуриков сбежали и от ментов отстреливались. А командир знал, что Толян на стрельбу ходил. Ну, наш друг их всех и положил из автомата одиночными.

– Врет, может? – засомневалась Генка. – У него уж, поди, давно «белка» началась.

– Вряд ли, – возразил Авдеев. – Я сейчас вспоминаю – он когда из армии пришел, пытался про каких-то зеков рассказывать, а я внимания не обратил. Теперь вот плачет.

– Это в нем водка плачет, – заключил Христофоридис. – Он ведь мне не перезвонил: значит, протрезвел – и сразу каяться расхотелось.

Из колонок лился вибрирующий тенорок:

Здравствуй! Я так давно не был рядом с тобой.
Но то, что держит вместе детей декабря,
Заставляет меня прощаться с тем, что я знаю,
И мне никогда не уйти до тех пор, пока...²⁰

– Шифровка шпионская! – хмыкнул Авдеев.

Генка ринулась на защиту:

– Ты просто его не понимаешь!

– Ну хорошо, о чем эта песня? – поддержал друга Эсхил.

– А о чем детские воспоминания? Сны? О чем рассвет над рекой?

– Так все можно оправдать, – не согласился Петр.

– Не будем трогать Б. Г.²¹, – пацифистски предложила Генка. – Так ты, Христофор, значит, фильм про греков снимаешь?

– Угу, – причмокнул режиссер. – Сейчас в Геленджик собираюсь. Заодно и родственников повидаю, у меня ведь одна часть предков – выходцы из Константинополя, другая – из Понта. Все, спасаясь, в Россию бежали. Прадед по линии отца в конце девятнадцатого века приехал из Трапезунда с фамилией Кер-оглы, я вам рассказывал. До этого он криптохристианином был. Вопрос на засыпку: кто такие криптохристиане?

– Кажется, что-то подпольное, – зажмурил один глаз Петр.

– Эх ты, писатель! Почти все греки, жившие под гнетом турок, носили их имена и фамилии, но тайно исповедовали православие. Греков насильно заставляли ислам принимать, отбирали у родителей детей, убивали за вероисповедание. Но были и те, кто предпочли принять мученическую смерть, нежели отречься от веры.

²⁰ Строки из песни группы «Аквариум».

²¹ Псевдоним Б. Гребенщикова.

«Начинаем греческую басню. Внимай, читатель, будешь доволен», – подмигнула Петру Бумагина.

– Ваша ирония, дорогие мои, тут неуместна, – бросил взгляд исподлобья Христофоридис. – Часто даже те современные люди, которые считают себя православными, думают, что святость – это предназначение свыше и что когда-то для святости были другие условия. А раз так, зачем стараться, ходить в храм, держать посты и не блудить? Для чего напрягаться, если святым все равно не станешь? Но я хочу показать, что святые такие же, как мы, и было это не так уж давно. А российские мученики, которые пострадали после революции! Они жили не в Византийской, а в Российской империи, но также становились криптохристианами, мучениками за веру Христову.

– Эс, руку на сердце – ты сам смог бы совершить подвиг во имя веры? – спросил Петр.

– Не знаю. Сейчас скажу – смог бы, а до дела дойдет...

Авдеев заметил, как Генка подавила зевоту.

– Брысь, Живро! – ободрилась она, когда вспрыгнувший на журнальный столик бомжеватый котенок начал обнюхивать сахарницу.

– Живро – это, наверное, какой-нибудь рокер французский? – предположил писатель.

– Живро значит «живу в России», – отчеканила Генка.

Петр усмехнулся:

– А ты не очень любишь Родину.

– Да, Пит, я не патриот и этого не скрываю! – По нарочито спокойному тону Бумагиной Авдеев догадался, что наступил на больное.

Генка закурила следующую сигарету, Христофоридис прикурил у нее, и в комнатухе сразу стало труднее дышать.

– Патриотизм – это ложь и фарс, – ответила Генка на вопросительный взгляд Эсхила. – Им прикрываются люди, неспособные мыслить и творить. – Она взяла со стеллажа цитатник для работников телевидения и радио, полистала его. – Вот: «Душа и суть того, что обычно понимают под патриотизмом, есть и всегда была моральная трусость!» Не кто-нибудь – Марк Твен сказал.

– Ты передергиваешь, – указательный палец Авдеева задвигался, как автомобильный «дворник». – В Америке тогда негров линчевали и гражданская война прошла, а самого Марка Твена цензуре подвергали, вот почему он так сказал.

– Нет, пиплы, как хотите, а патриотизм – такое же мракобесие, как и религиозность.

Эсхил посмотрел на Генку глазами строгого карточного короля:

– А что ты вообще знаешь о подлинной вере и о Боге, чтобы так говорить?

При слове «Бог» обычно добродушное Генкино лицо затвердело – схватилось, как бетон на морозе:

– Я уже знаю со слов Пита, что ты на православии завернулся.

– Да я просто хочу понять...

– Я не стесняюсь говорить об этом. В моей картине мира Бог совершенно не нужен, моя логическая система не допускает Его существования. Когда я говорю, что не верю в Него, то имею в виду прежде всего Бога как личность. Он же наказывает людей страшно! Но может ли Тот, Который есть любовь, устраивать такое? Любящий не станет подвергать мучениям тех, кого любит, ведь человек сотворен по образу и подобию Божию, следовательно, и Бог должен быть таким же. А если нет, значит, он в лучшем случае отстраненный наблюдатель-экспериментатор, и тогда факт наличия Бога для нас должен представлять не практический, а теоретический интерес, поскольку никакие наши действия не могут привести к тому, что в этой или в следующей жизни он поступит с нами по-другому.

– Но ведь и родители порют своих детей! – ополчился Христофоридис.

Генка нервно схватила полную окурков пепельницу, выкатилась за дверь и быстро вернулась:

– Тут важен догмат о всемогуществе, – брякнула она пустую пепельницу около тарелки с печеньем. – Если бы любящий родитель мог внушить ребенку некие знания без того, чтобы наказывать, неужели бы он этого не сделал?

– А Бог именно так и поступал – первые люди Адам и Ева были как раз такими, много знали. Но, нарушив заповедь, мы утратили канал связи с Богом, и ум человека помрачился. С тех пор мы ведем себя как неразумные существа и виноваты сами, а не Бог: мы рождаемся с приобретенным грехом.

– Тогда почему Он не оградил первых людей от древа познания?

– Потому что, ты сама говоришь, человек создан по образу Божию, а один из элементов этого образа – свобода. А свобода есть там, где есть выбор. Не было бы древа познания, не было бы у человека выбора.

– У нас в эфире недавно врач из хосписа был: люди в таких муках умирают – за что?!

– Болезнь Бог часто посылает во искупление.

– Добрый Бог!

– Волос не упадет с головы человека без Его благоволения! – встал на дыбы Христофоридис. – Мы не можем своими примитивными мозгами судить о Его Промысле. Если болеем, значит, своими страданиями искупаем грехи.

В воздухе плавали клочья дыма, форточка не справлялась. Пластичная, как многие полные люди, Генка легко перегнулась через спинку кресла, распахнула окно.

– Ну вот чем тебе делает лучше поход в церковь? – улыбнулась она.

Эсхил привел в движение морщины на лбу:

– Если каждое воскресенье ходишь в храм, всю неделю легче противостоять соблазнам. А если пропускаешь, то влияние ослабевает, и ты иногда поступаешь против совести.

– То есть по-твоему получается, у религиозных людей моральная основа ниже, чем у атеистов?! Атеисты держатся только своей совестью, и у них нет никакого внешнего регулятора.

– Посмотри, сколько блуда, воровства и хамства вокруг! Так держатся твои неверующие?

Генка грустно вздохнула:

– Смотрю я на тебя, Христофор, и думаю – какое счастье, что мне это не грозит. Уж если я и допускаю что-то, так это переселение душ: в этой жизни твои предки – древние кельты, в другой – подмосковные бомжи. Я к вере генетически не предрасположена, понимаешь? Моя бабушка перед смертью не о Боге думала! Веселилась с правнуками, анекдоты про попов из своей комсомольской юности им рассказывала. Если что – прожила семьдесят восемь лет и умерла во сне, как праведница.

– Ну кто вам всем сказал, что только праведники во сне умирают?! – Эсхил смахнул с бороды крошки печенья. – Внезапная смерть для неготового к ней человека – самая ужасная. Христианин перед смертью должен исповедоваться и причаститься, чтобы за собой на небо грехи не тащить.

– Да зачем же ей было причащаться, если она не верила во все это? Религия – опиум для народа!

– Именно! Именно опиум! – просиял Христофоридис. – Когда духовное здоровье людей уже на грани, когда болезнь зашла далеко, религия – то самое единственное лекарство!

– Да у тебя православие головного мозга в запущенной стадии! Между прочим, и прадед мой по отцу атеистом был. Точнее, стал им в окопах Первой мировой. Их полк брал высоту, совершенно ненужную в стратегическом плане, – полковые попы убедили командование в том, что там в храме святые мощи. Людей положили немерено, а когда прадед подошел к освобожденной святыне – восковой кукле, вся его вера на том и закончилась: столько живых людей – за куклу...

– Тьфу, дура! – плюнул Эсхил. – Можно, я буду называть тебя дурой, потому что это так и есть? Люди за святую жизнь свои положили, тут гордиться надо!

– Вон из моего дома! – направила в сторону двери указательный палец Генка. При этом усатые драконы на ее кимоно угрожающе шевельнулись.

Христофоридис вскочил и, шикнув на кинувшегося ему в ноги котенка, рванул из комнаты.

– Иди ко мне, Живронюшка, иди, бэбик, – пожалела косматого питомца Генка. – Дядя не любит животных, дядя любит Россию. А ты, Пит, оставайся, поболтаем.

– Мы уже и так засиделись, – поднялся из своего кресла Авдеев.

На улице было сыро – обычный день начала марта. От холмов тянуло ветром с прожилками тепла. На мокрой земле у детской площадки переминалась с ноги на ногу ворона. Тюкала клювом бесформенный континент коржика, оброненного кем-то из детей, строго поглядывала вокруг круглыми глазами. Таким взглядом на филфаке, где учился Авдеев, сканировала нервных студентов преподавательница языкознания, профессор Курочкина-Ярич. В другом углу двора прочистил горло мотоцикл. Испуганная «профессорша» оставила коржик и взлетела на ветку.

Авдеев постучал ботинком по металлическому ограждению у подъезда – сбил с подошвы кусок налипшей грязи. Чтобы успокоить друга, спросил:

– Ты когда в Геленджик-то едешь?

– В конце марта, – задумчиво проговорил Эсхил. Помолчал. – В первый раз я в Геленджик ездил, когда мне было десять лет. Родители отца когда-то уехали туда доживать. Там, на Толстом мысу, стоит памятник погибшим морякам. Их капитаном был какой-то дальний наш родственник. Они шли на рыболовецком судне, и оно потерпело крушение. Все погибли, им поставили памятник.

А здесь, напротив нас, жил Юрец – в том доме, где зеленая крыша, помнишь? Юрцу было пятнадцать, он постоянно меня дразнил салагой. И вот после поездки в Геленджик я рассказал ему историю, после которой он пообещал: «Я больше никогда не буду тебя обзывать». А рассказал я ему вот что. Начал так: «Я здесь на самом-то деле по спецзаданию. Тебе ведь известно, что время на земле течет иначе, чем там, наверху». Юрец переспросил: «Чем там, в космосе?» А я отвечаю: «Это не совсем космос. Это – территория Бога. И то, что я тебе сейчас скажу, ты не должен рассказывать никому и никогда». Юрец заинтересовался: «Даю тебе слово». – «Как ты знаешь, – говорю, – у меня есть такое увлечение: я бегаю за бабочками». А я правда все время тогда бегал за бабочками: мне было интересно, смогу ли я их обогнать и почему такое крохотное существо движется быстрее, чем я. «И вот, – говорю, – однажды на школьном футбольном поле, когда я бежал за бабочкой, во время прыжка Господь забрал меня к Себе. Этого никто не заметил, потому что на земле за это время прошла всего секунда, а там я прожил очень много времени». – «И что?» – ошалел Юрец. «А дело в том, что Господь забирает к Себе только избранных, с неиспорченной душой», – ответил я.

Я, конечно, тогда не читал ни Евангелия, ни других священных книг; это было просто моими домыслами, представлениями о Боге. Только через много лет я понял, что приблизительно все так и обстоит на самом деле: Бог действительно забирает человека из жизни в тот самый момент, когда человек либо находится на пике добродетели, либо катится по наклонной, – чтобы не успел совершить еще более страшного греха. «Но, – сказал я Юрцу, – Господь призвал меня не затем, чтобы забрать навсегда, а чтобы я стал здесь, на земле, неким проповедником. Он отпустил меня обратно – собирать людей, чистых совестью, для последующей службы Богу». Тут я рассказал ему историю про моряков Геленджика и говорю: «Вот таким же образом Господь забрал и их. Конечно, здесь родные и близкие таких людей рыдают, что понятно: для них это тяжелая утрата. А по существу ничего ведь не произошло: человек просто ушел к Господу, служить Ему. Вот, говорят, эти рыбаки разбились о скалы. А откуда мы это

знаем? Господь просто поднял их кораблик и взял к себе. Не было никаких физических мук, которые мы себе дорисовываем. На земле происходит, – говорю, – строгий отбор в команду Бога. И такие, как я, должны призывать людей, чтобы они потом Ему служили. Вот это и есть мое спецзадание – поговорить с тобой. Мне бы очень хотелось, чтобы мой сосед всегда был чистым и хорошим».

Конечно, рассказывая все это Юрцу, я хотел приобрести в его глазах значимость – мотив, если разобраться, не лучший. Я, разумеется, не видел тогда себя со стороны, не помню своих интонаций, но он, пятнадцатилетний, поверил мне, десятилетнему! Он со страхом спросил: «И что?» – «Ничего, – говорю. – Просто сегодня ночью ты уснешь и не проснешься». Он еще сильнее испугался: «А как же родители?» – «Конечно, – отвечаю, – они будут плакать. Но ничего, когда-нибудь и они уйдут туда и будут утешены, узнав, где оказался их сын». И тогда Юрец промямлил: «Я не готов...» Я сделал вид, что задумался, а потом согласился: «И не надо. Значит, тебе еще рано». – «Как – рано? – сразу обиделся он. – Тебе, наверное, сейчас поступил сигнал, да?» – «Я наврал, – сказал я. – Ничего такого со мной не происходило, я все придумал». – «Ты так говоришь, потому что у тебя недоверие ко мне возникло!» Вот после этого Юрец и сказал, что никогда больше не будет меня обзывать. Но кстати, слово не сдержал. А я до сих пор удивляюсь, почему он поверил. Может быть, помогла сила, которая дается актеру в такие моменты?

6

С работы Авдеев вышел злой и уставший, как почти всегда. Становилось темно, но на холмах еще различались развалины монастыря. За то, что тут возник город, надо благодарить ученого Палласа. Знаменитый естествоиспытатель посетил эти места в XIX веке. Придирчиво изучил долину и, вернувшись в столицы, доложил по инстанциям. В 1808, високосном году здесь появился форт Строгий, а командированный из Петербурга сухонький геодезист Ерофеев отметил его у себя в межевом атласе точкой.

Со временем на холмах вырос Покровский монастырь, что стало поводом дать поселению более жизнерадостное название – Святоград. Из Петербурга снова приезжал все такой же субтильный геодезист Ерофеев и опять что-то у себя черкал. Одно жаль: просуществовал монастырь ровно до того дня, как в городок пришли большевики. Они решили вопрос без затей: монахов собрали во дворе обители и расстреляли, саму обитель взорвали, а город, заменив всего одну букву, переименовали в Светоград, намекая на зарю новой жизни. Старую букву вернули уже после развала СССР. Разумеется, имея в виду возвращение к поруганным святыням.

Авдеев сел в машину. Включил радио:

Над следовой полосой, сшибая шляпы с голов,
летит шальная ворона.
Встает похмельный Харон, трясет седой головой,
вершится круговорот.
Харон пугает ворон, потом в отместку за то вороны
будят Харона,
Идут круги от весла, и так до самых ворот,
до самых райских ворот...²²

²² Из песни автора-исполнителя О. Медведева.

* * *

Петр переключил канал, медленно отъехал от редакции, выбрался на проспект. Скрючившись в своем чернющем пальто, на остановке мерз Христофоридис.

– Брат ты мой! Как удачно! – расцеловал он Петра, оказавшись на переднем сиденье. Писатель чувствовал неуместность этого приветственного челомканья: оно казалось ему театральным. – Ты домой? В «Поп-корн» меня по пути не закинешь? Хочу девчонкам своим мультики какие-нибудь приличные купить.

Петр вынул мобильник, набрал номер. Подождал, сказал ласково: «Римма, у меня немножко изменились планы: подойди к “Поп-корну”». И объяснил другу:

– Девочке до зарплаты не хватает, хочу помочь.

В оформленной под ретро витрине «Поп-корна» пижонили лаком дубовых ящичков ламповые приемники, задирали хромированные носы довоенные микрофоны; овальным ночным озером с лунной дорожкой поблескивала вращающаяся на проигрывателе пластинка; маленький кинескопный телевизор с рогатой антенной глядел из угла инопланетным жуком.

Снующие у дверей люди не давали морозцу прихватить грязную жижу под ногами.

– Римма, это – мой старинный друг Эсхил, выдающийся русский актер и эпохальный режиссер! – наигранно отрекомендовал Христофоридиса Петр.

– Отомстил, отомстил, – польщенно забасил Христофоридис.

– А это, Эс, моя... э-э... приятельница Римма.

Молодая женщина улыбнулась, обозначила полупоклон головкой с безукоризненной стрижкой. Выражение ее лица говорило новому знакомому: я, конечно, вам понравилась, и при случае вы не отказались бы завести со мной роман, но сейчас в моей жизни существует только один мужчина – тот, что держит меня под локоток.

– Мы пошептаться, – бросил Петр, отводя «приятельницу» в сторону. Короткая приталенная шубка Риммы позволяла оценить ее совершенную фигуру. Авдеев передал красотке деньги, и она, коснувшись губами его щеки, убежала.

«Поп-корн» начинался с книжного отдела. Справа стояло сразу несколько изданий «Лолиты». На всех обложках – взрослый мужчина и юная девушка. Причем мужчины везде были невыразительными, зато уж девушку каждый художник изобразил по своему вкусу.

Петр оглядел стеллажи с современной прозой, снял с полки том в твердом синем переплете, тихо сказал Христофоридису:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.